

авда» 31 мая 1974 г.

Еще со школьной скамьи все нам известно про историю, случившуюся в доме московского купца Самсона Сильча Большова, который объявил себя банкротом, чтобы не платить долгов и таким путем приобрести капитал, а в результате сам стал «жертвой» своего приказчика Подхалюзина, прикарманившего все его имущество... Знаем мы, какой Большов самодур и мошенник, и какая тупая, наглая и бесцеремонная у него дочь Липочка, и какой проворный плут его приказчик и новоявленный зять Лазарь Подхалюзин... Даже имена этих знаменитых персонажей А. Н. Островского стали нарицательными. А отдельные их выражения вошли в обиход афористичными примерами дикости, корысти, бездушия...

Но вот вышли эти «герон» сейчас на сцену Московского академического театра имени Вл. Маяковского в новом спектакле «Банкрот, или Свои люди — сочтемся», и словно заново мы с ними познакомились. Слово впервые увидели их отвратительную, жестокую и смешную сущность. Да, и смешную. И в этом, пожалуй, самое главное в сегодняшнем сценическом прочтении бессмертной пьесы великого русского драматурга.

...В зрительном зале нас встретит открытая, аскетично-пустынная сцена. Лишь в глубине ее на фоне черного задника — ряд массивных строгих дубовых дверей, окваченных столь же солидной дубовой рамой (художник В. Вольский). Начнется спектакль, эти двери со скрипом растворятся, в их проемах, как на старинных фотокарточках, возникнут действующие лица. И под развеселый, залихватский мотивчик, в который озорно впадают и современные ритмы, и звуки гомерического хохота, нам поочередно представят их всех, приплясывая и куражась, мальчик-слуга У Большова — Тишка. А затем двери разойдутся в стороны, над ними повиснут в воздухе какие-то архаичные предметы затхлого, навсегда исчезнувшего быта, и мы очутимся в доме Большова. В центре — громоздкий буфет, который будет подпрыгивать и даже вертеться в такт резвящейся в танце девицы Липочки. Да и другие персонажи, даже сам грузный Самсон Сильч, придутся потом в плясе. И снова в мелодию древней полочки услышим мы улыбочные современные интонации (музыкальное оформление И. Мееровича, балетмейстер — П. Гродницкий).

Что все это? Просто шутка, лукавое озорство постановщика спектакля — Андрея Гончарова? Нет! Очень точный, целенаправленный режиссерский ключ к современному остроты сатирическому, почти фарсовому театральному изображению «купеческих страстей».

А. Гончаров дал своему спектаклю жанровое определение — «оригинальная комедия», хотя во всех сборниках пьес и собраниях сочинений А. Н. Островского стоит просто «комедия». Но это отнюдь не «исправление» и не «уточнение» драматурга. Наоборот, тут, видимо, постановщиком подчеркнуто глубокое уважение не только к духу, но и к букве А. Н. Островского. Ведь на титульном листе цензурного экземпляра комедии с ее запрещением название и жанр пьесы первоначально обозначены драматургом

именно так, как и на сегодняшней афише Театра имени Вл. Маяковского: «Банкрот, или Свои люди — сочтемся. Оригинальная комедия».

А поставлена она А. Гончаровым действительно оригинально, если вспомнить многолетнюю историю ее сценической жизни в виде традиционной бытовой комедии нравов дореформенного московского купечества, где социальное и человеческое уродство этих нравов крылось под наружным благообразием обстоятельного патриархального уклада. Однако эта оригинальность не имеет ничего общего с оригинальничаньем, с постановочным шукачеством. А. Гончаров, с присущими его режиссерскому почерку темпераментом и динамизмом, смело взрывает натуралистичную бытописательскую уютность постановочной фор-

положенский (А. Ромашин). Шныряют по дому гугнивая, любопытная, как сорока, ключница Фоминична (М. Полянская) и ни в чем не забывающий своей выгоды, такой же жуликоватый и хищный, как его хозяева, — придет время, и он еще развернется! — Тишка (В. Ильин). Первые же, как говорили в старину, сюжеты ведет блистательное трюо.

Вот Самсон Сильч Большов — И. Охлупин. Взлохмаченный, бородастый, неотесанный, неопрятный. Уж так-то он поначалу уверен в себе, в своем могуществе, в своем мошенническом расчете. Так-то пренебрегает и помыкает всеми... Когда же осознает, что сам попался на крючок еще более хитрого и ловкого плута, своего же выученика, то от ярости глаза выпучивает да хватает открытым ртом

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПРЕМЬЕРА

20.3.

«СПЕКТАКЛЬ-КАРНАВАЛ»

мы. Но он непреложно сохраняет верность идейному содержанию пьесы, ее социальной остроте и непримиримости в обличении пороков и мерзостей мира собственников и стяжателей, мира бесправия и бесчестия.

Оригинальность спектакля — в том качестве его постановки, к которому вполне применима формула ранее возглавлявшего этот театр выдающегося советского режиссера Н. П. Охлопкова: «спектакль-карнавал». Говоря иными словами, ярко театральное, праздничное, легкое и стремительное по своим темпам, пластически выразительное сценическое зрелище. Уместна ли такая форма для сатирической комедии Островского? Новый спектакль Театра имени Вл. Маяковского, кстати, как и ряд других работ столичных театров последнего времени над комедией Островского положительно отвечает на этот вопрос.

Постановочный замысел А. Гончарова опирается на образное, темпераментно-насыщенное актерское исполнение. В этом тоже сказывается традиция Н. П. Охлопкова, который при всей неистощимости и красочности своего режиссерского театра всегда видел в актере основного проводника авторских идей и своих замыслов. И у А. Гончарова актеры — на первом плане, во всеоружии своих талантов, своего несомненно реалистического мастерства, преломленного в этом спектакле сквозь призму опять-таки реалистического гротеска, порой безудержно буйного и яростного в выражении обуревающих «героев» уродливых страстей.

Все исполнители хороши в сочной и внутренне достоверной характеристике своих персонажей. Забитая, безнадежно глупая, как клушка, кудахтает над своей заветной дочерью Аграфеной Кондратьевна (Г. Виноградова). Разбитная, медоточивая, плетет свои интриги, добывая хлеб насущный, сваха Устинья Наумовна (Т. Карпова). До предела опустился и спился крючок-стрелячий Сысой Псой Рис-

воздух. Актер далек от того, чтобы играть в финале этаного купеческого короля Лира, преданного детьми. И, даже обобранный до нитки и выгнанный ими из собственного дома, Большов — Охлупин не вызывает к себе жалости. «Подделом тебе, получишь то, что заслужишь», — как бы говорит актер своему Самсону Сильчу, проворачивая его, растерзанного, злощного, обиженого, в долговую яму.

Олимпиада Самсоновна — Н. Гундарева — достойная дочь своего папаша. Наглая, самоуверенность, бесстыдство, жадность, хамство — это у нее явно наследственное. И какой же убийственный контраст этим «милым» свойствам натуры Липочки являет ее внешность! Глядишь на нее — ну, прямо, говоря словами Аграфены Кондратьевны, «что твой розан пионовый!» А стоит ей раскрыть рот и низким, грудным голосом с равнодушным презрением «отбрызнуть» мать, или будущего мужа, или даже отца, как сразу становится ясно, что за фрукт эта бело-розовая, лениво-жеманная Липочка. И только очаровательные смеющиеся глаза молодой даровитой актрисы выдают, как беспощадно издевается она над Олимпиадой Самсоновной — тиничным порожждением своей среды и господствующей в ней нравов.

Под стать своей так хитроумно заполученной вместе с богатством жене и Лазарь Елизарович Подхалюзин — Е. Лазарев. Подлость, низость, жестокость во всех их ипостасях — от угодливого, раболепного пресмыкательства перед денежным мешком до напыщенного, высокомерного бессердечия новоявленного хозяйчика-богача — актер раскрывает с какой-то поистине самозабвенной истовостью и жаром.

Еще одним свежим, ярким, талантливым толкованием А. Н. Островского обогатил театр имени Вл. Маяковского русский классический репертуар московской сцены.

Н. ЛЕИКИН